

МИГЕЛЬ СЕРРАНО

НИ ПО МОРЮ, НИ ПО СУШЕ
ИСТОРИЯ ПОИСКОВ В ОДНОМ ПОКОЛЕНИИ

ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2021

УДК 882
ББК 63.3(7Чил)
С32

***Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.***

Перевод с испанского — А. М. Иванов.

Серрано М.

С32 Ни по морю, ни по суше. История поисков в одном поколении.
— М.: Тотенбург, 2021. — 218 с.

ISBN 978-5-9216-2365-1

«Ни по морю, ни по суше» — своеобразный дневник путешествия писателя и визионера Мигеля Серрано: по просторам Чили, в историю этой страны, вглубь себя как носителя чилийской крови. Рассматривая уникальное месторасположение Чили среди огней и льдов, Серрано размышляет о взаимосвязи земли и духовного состояния народа. Фатум Чили, предназначение чилийцев составляют основные вопросы книги. Чтобы ответить на них, автор обращается как к древнейшему прошлому, так и к трагедии своего непонятого поколения, помеченного знаком смерти. Но это также путешествие внутрь себя, по рекам собственной крови — поэтому реальные события перетекают в грезы, а ключ находится в сновидениях.

**УДК 882
ББК 63.3(7Чил)**

© А. М. Иванов,
перевод с испанского

ISBN 978-5-9216-2365-1

© Издательство «Тотенбург», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ	7
ПЕРВАЯ ЧАСТЬ. ПОБУЖДЕНИЯ ДУШИ	9
Некоторые события накануне путешествия.....	11
Путешествие готовилось изнутри	13
Зов.....	16
Три ледяные ночи	17
Учитель говорит мне о Южном полюсе	18
Решение участвовать в путешествии	23
Отбытие.....	25
ВТОРАЯ ЧАСТЬ. ПОБУЖДЕНИЯ ЗЕМЛИ.....	27
Тайна одного поколения.....	29
Великий враг природы	39
Явление Титана	45
Слава ночи	55
Эктор Баррето.....	59
Обнажение героя.....	72
«До великой поры скелетов!».....	74
Потусторонний смех.....	78
Путешественник во сне	86
«Мое одиночество, цветок отчаяния».....	94
Мозги на стене.....	99
Белые лилии на могилах героев.....	100
Высшая сила, которая властвует надо всем	102

Как на юге произошла катастрофа	108
Заяц	115
Странная личность	119
Провинция.....	122
Одинокaя земля	139
В Арауканию.....	140
Пшеница	152
Дерево.....	154
Копигуэ.....	156
Старая яблоня	158
Остатки Лемурии.....	160
Змея Каи-Каи	165
Обезумевшие в ночи	169
Калеуче.....	174
Заросли папоротника	176
Там, где гниёт картофель.....	178
Латынь в Лемурии.....	184
Кукао.....	191
Пирутиль	200
Сыры Килана	203
Исчезнувший континент.....	205
Кости Лемурии	209
Компас души указывает на юг	210
Преображение природы.....	211

«В этой книге я писал кровью историю моего поколения...»

ПРОЛОГ

«Ни по морю, ни по суше не найти путь
в страну вечных льдов»

Пиндар

Посвящается искателям приключений, исследователям Юга.

Начатое здесь путешествие должно было закончиться во льдах Антарктиды, где я искал таинственный первозданный оазис. Оттуда мы вернулись с обожженными морозом душами, думая, что всё было напрасно, потому что истинный путь находится внутри. В конце этой книги будет рассказано о Внутреннем Путешествии, в ходе которого плавание на южный край света повторится в символической форме, внутри Я. Но тогда я еще не был готов закончить эту книгу. Путешествие приостановилось на острове Чилоэ.

Я намереваюсь написать второй том, возобновив это путешествие с той точки, в которой оно было прервано. Все планы и схемы были намечены с самого начала, и я часто проводил дни и ночи напролет, склонившись над морскими картами, изучая пути на юг. Я готовился совершить большой скачок ко льдам.

Однако я сомневаюсь, что мне удастся закончить эту книгу. Этому препятствует время.

Во время плавания путешественник должен целиком сосредоточиться на нем; он обязан уделять всё свое внимание пути, потому что благополучный исход предприятия зависит от его ловкости и сосредоточенности. Его будут изнурять его собственные мечты и южный ветер.

Лучшие путешественники никогда не тратили времени на ведение дневника своих путешествий. Поэтому их имена остались неизвестными.

Частично нарушая это правило, я прошу прощения у искателей приключений, исследователей Юга.

Сантьяго де Чили, 1950 год

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

ПОБУЖДЕНИЯ ДУШИ

НЕКОТОРЫЕ СОБЫТИЯ НАКАНУНЕ ПУТЕШЕСТВИЯ

Следующие страницы в какой-то степени автобиографичны, поэтому для их лучшего понимания надо знать о предшествовавших событиях. Я должен буду написать книгу о жизни моего поколения и моей собственной жизни и объяснить кое-какие вещи, которые сделают эти страницы более понятными. Эта книга должна начинаться там, где кончится другая.

Но драма моей жизни выражена в форме — а может быть, я сам так ее выразил, — литературы, искусства, а это посох, который помогает подняться на гору; когда вершина достигнута, он более не нужен, его можно отбросить.

Проблемы, которые поднимает искусство, находят решение не в самом искусстве, а только в жизни. Это выражается в трудном акте отречения.

Несколько лет назад я собрал все книги, написанные на эту тему, и сжег их. Это было бесполезно. Позже настал момент испытаний. На склоне лет я испытал непреодолимое желание встретиться с моими тогдашними друзьями и увидеть, как они танцуют до изнеможения. И я тоже начинал танцевать, и слезы текли у меня по щекам при воспоминании о старых домах и разрушенных стенах. Я снова любил и страдал. Ко мне тянулись чьи-то руки, потому что я был воскресшим, а говорил об умерших.

Я приложил все усилия, потому что эта книга — послание тем, кто придет потом, это путь, указанный теми, кто прошел по нему до меня. На тропах, ведущих к вершинам, я находил их следы.

ПУТЕШЕСТВИЕ ГОТОВИЛОСЬ ИЗНУТРИ

В книге, которую я должен был написать раньше, я бы рассказал о первых временах нашего поколения, о моем отрочестве. В те дни порывы подкреплялись делами, которые определяли будущее. Я должен был подробно рассказать об этих годах, когда мы чувствовали себя в окружении особой атмосферы. Что задавало тон нашему поколению? Какие-то общие запреты, общая боль по причине трудного детства в стране, переживающей распад.

Наше поколение жило в те времена, когда в Чили рвались исторические связи, в тот момент, когда человек умел растворяться в природе.

И в мечтах, и во внешних событиях моя жизнь развивалась почти что одинаково. Есть моменты, когда мне трудно отличить воспоминание об образе из грез от реального события во внешнем мире. Дни проходили с впечатлениями от вымышленных происшествий. Так и некоторые большие путешествия, и приключения моей жизни могли быть порождением мечты, магическим образом овладевшей моим воображением.

Я жил, погрузившись в фантазии, и мотив какой-то далекой музыки в душе возникал из этих глу-

боких вод и заволаживал мое существо, словно призрачное эхо колоколов затонувшего собора.

И были редкие сны, которые на деле были не снами, а видением жизни в реальности, более яркой, чем сама явь. Сон исчезал, и начиналась «иная реальность». И я жил в ней, «проснувшись», я уже не «спал» ночью, мое сознание было «непрерывным».

Я помню один из таких снов, который видел много лет назад, еще мальчиком. Я видел гору, которая высилась перед нашим городом, еще темную в утренних сумерках. Внутри скалы я видел две гигантские фигуры. Одна из них, та, что была справа, воздевала руки к небу в мольбе, а другая склонялась к земле, словно побежденная. Контуры этих фигур были очерчены золотыми жилами.

Прошли годы, и я начал паломничество по горам моей родины, надеясь, что встречу этих гигантов.

С рюкзаком на спине я странствовал по самым отдаленным горам. Глухая горная местность обретала формы существа, которое наблюдало за нами. Иногда оно останавливалось поблизости и давало нам знать о своем присутствии рухнувшим с высоты камнем.

В этих высокогорных местах я встречал исследователей, сельских жителей и бродяг. У всех них я спрашивал дорогу и всматривался в глубину их глаз, чтобы понять, знают ли они узкий проход, который ведет в тайную долину.

Настал день, и я нашел гору из моего сна. Из вечных сумерек поднялась ее вершина. Я дошел до нее и коснулся ее там, где видел во сне гиганта, воздевшего руки. Я упал ничком, в полубессознательном состоянии, с одной лишь мыслью: всем своим существом впитать энергию этой фигуры.

ЗОВ

Я неподвижно сидел на скале. Мною овладела какая-то снотворная вялость. Внезапно передо мной возникло огромное лицо под кожаным колпаком. Тело этого существа было покрыто шкурой пумы, а может быть, гуанако. Оно смотрело на меня пристальным взглядом, потом открыло рот и сказало: «Ты придешь сюда».

ТРИ ЛЕДЯНЫЕ НОЧИ

Я видел во сне белую гору, окруженную лучами света. Небо было прозрачно-голубым. На вершинах этой горы были изображены лица гигантов, неподвижный взгляд которых был устремлен в светящуюся глубину. Где находилась эта гора? В какой части света?

Я видел темное небо, затянутое тяжелыми тучами, и полоску горизонта, алую, как кровь или пожар. Где было это небо?

В третий раз я видел во сне серый пейзаж и скалистую землю, покрытую снегом. На камнях сидели птицы, тоже серые. У одной из них на шее была красная кайма. И где в мире живут такие птицы?

УЧИТЕЛЬ ГОВОРИТ МНЕ О ЮЖНОМ ПОЛЮСЕ

Спустя много времени я снова здесь. Это место мне знакомо, я вспомнил его через много лет, вспомнил эти старые стены, разрисованные рукой Учителя, и рисунки на столах. В большой деревянной книге выжжены буквы. На ее единственной странице есть и мое имя.

Я пытаюсь не отводить глаз от Учителя. И вижу, что он излучает умиротворенность. У него красивые руки и сильный голос. Но Учитель идет вперед, разгоняя тени своим мечом. Его воля неукротима, в его убеждениях нет тени сомнения. Он непогрешим, когда его устами говорит голос свыше. Но только в этих случаях.

Тогда он мне сказал:

— Я давно это знал. Ты отправишься на южный край света, дойдешь до кромки антарктических льдов.

Я молчал и смотрел вокруг себя. Учитель продолжил:

— Знаешь ли ты, что такое Южный полюс? Это половой орган Земли, область мрака, что имеет фундаментальное значение. Пол — это величайшая тайна Вселенной. Преобразуя его силу, можно достичь Божьего Царства. Половой орган — это сатана, борь-

ба против него ведет к Богу. Есть сатана и есть Бог. Сатана помешает тебе открыть Оазис среди льдов.

Он положил ногу на ногу, опустил руки на колени и продолжил:

— Не думай, что Земля представляет собой мертвое тело, покрытое твердой корой. Земля — это живое, трепетное существо, а мы его клетки, предназначенные для того, чтобы познать его, а потом освободиться. У Земли есть душа, а тело у нее круглое — такую форму должны будем однажды обрести и мы; ее душа сохраняет человеческую форму, она же небесная форма. Я видел душу Земли: она была белого цвета, она поднялась по пояс из моря, и лицо ее было суровым и мрачным. Она смотрела вдаль и подсчитывала, сколько существ освободились от нее, вопреки ей, в борьбе против ее другой, темной половины, которая погружена в ледяные глубины. Дух Земли не позволяет, чтобы люди освободились раньше времени. В этом противоречивом мире только парадокс способен дать нам правильное представление. Это может показаться странным, но именно мятежные «клетки», которые сражаются против Духа Земли, лучше всего работают на освобождение самого Духа, который радуется, когда его побеждают и когда он видит тех, кто уходит, поднимаясь над широким пустынным морем. Как мало их! По одному за тысячу лет...

Область, в которую ты отправляешься, это Обитель сатаны, противника Белого Духа, который возникает из льдов Северного полюса, мозга Земли, который уже даровал миру расы, предназначенные

для развития разума. Сатана, половой орган Земли, это Природа с ее размножением и созиданием. Его форма иллюзорна, это сумма наших теней, нечто вроде скопления невзгод, ночь Человечества. Демон — это мы сами, тяжелая часть нашей души. Но, может быть, мы также являемся и Богом?

Он на миг замолчал, прищурил глаза, потом продолжил:

— Я видел это Существо в его обители на Южном полюсе. Оно живет в гигантской темной яме. Как тебе ее описать? Это безграничные пространства внутри души Земли, под покровом вечных льдов. Темный Ангел перемещается там, поднимается и опускается до краев этой ямы. Он мечется от одного края к другому, стремясь к своей недостижимой цели. Он уже провел вечность в этих усилиях, пытаясь достичь места, противоположного тому, которое было суждено ему в самом начале Творения. Север — это его страсть и его главное страдание.

...Закрыв глаза, это можно было слушать и воспринимать. Надо уметь закрывать глаза и смотреть внутрь самого себя.

Он снова сделал передышку. Потом будто предался собственным рассуждениям:

— Первоначально все земли были сосредоточены у Южного полюса, где находился также Райский холм. И когда с небес был изгнан сатана, он рухнул вниз головой на этот полюс со скоростью луны, упавшей с неба, и пробил девять слоев льда. Земли разошлись от Южного полюса и распределились по планете, образовав нынешние континенты.

И через этот край Земли должно пройти в будущем освобожденное человечество, чтобы снова найти первозданный Оазис. Он находится в каком-то тайном месте у Южного полюса, там же, где и Райский холм... Ты знаешь, что эти аллегии имеют символическое значение, они указывают на духовные реалии. Сама Земля — это символ. Мы должны пройти через сатану, этот огонь, который изгнал нас из Рая и поможет нам вернуться обратно. Мы, обитатели этой южной зоны Земли, — авангард Судьбы. Мы живем вблизи сатанинского огня. Отсюда тревоги жителей этих мест. Родиться и жить здесь — это трагедия, но и привилегия. Мы откроем путь. Посмотри вокруг, и ты увидишь легендарный мир, в котором ты сможешь стать богом. Свет и тьма владеют природой и давят на души живых существ. Нас увлекает поток, который несет нас к крайним точкам. Если на Севере некогда процветала раса, которая обладала разумом и владела им, то на Юге родилась раса, которая подчинялась интуиции. В борьбе против самой могущественной силы Вселенной, астрального света сатаны, придавшего форму творению, она может победить и преобразиться. Эта южная полярная раса обладает новым средством перемещения, которое, подобно тунике славы, будет облекать образ человека будущего.

Он внезапно замолк, словно не хотел больше говорить.

Сколько раз в те годы я бывал здесь и слушал Учителя!

И, будто из какой-то далекой обители, доносятся его слова:

— Ледяной ветер подул на твою душу. Темный Ангел зовет тебя, чтобы испытать тебя в своих владениях. От этого путешествия зависит магическое преобразование природы. Мы суть растения, в которых выражается Дух, и наша драма включает в себя будущее ближайших поколений. Надо ехать, потому что душа может созреть только в контакте со своей природой... Но не забывай, что твое путешествие — это то же самое, как если бы ты путешествовал внутри самого себя, спускаясь к солнечному сплетению и далее, к неисследованной области твоего полового органа.

Во сне я возвращался в призрачный мир. В сонном бессилии я попал в некий город и шел по его улицам среди каменных домов. Они были пусты. Я искал кого-то уехавшего. «Не может быть, — думал я, — чтобы теперь, когда я приложил столько усилий, чтобы попасть сюда, того, кого я ищу, здесь не было».

А придорожные деревья качались под белым ветром.

РЕШЕНИЕ УЧАСТВОВАТЬ В ПУТЕШЕСТВИИ

В конце 1947 года в Антарктиду отправилась вторая чилийская экспедиция. Я стал искать повод, который позволил бы мне принять в ней участие.

Я приехал в Вальпараисо и начал бродить по его улицам. Я поднимался на холмы, с которых на долину взирали испанские конкистадоры, — и она казалась им райской¹.

Я дошел до Плайя Анча в поисках дома, где я жил в детстве.

В старых домах, в древних стенах, там, где мы когда-то жили, оставались тени, которые ждали нашего возвращения.

Когда вечерняя заря уже гасла, я, поплутав по переулкам, оказался перед Зоологическим музеем. Вход был открыт. Я прошел между чучелами птиц и животных. Ко мне приблизился маленький человек. Я узнал директора музея, того самого, который так забавлял меня, когда мы были детьми. Он с любопытством смотрел на меня своими живыми глазками.

— Всё осталось прежним, — сказал я ему.

— Откуда вы знаете?

¹ Вальпараисо переводится с испанского как «Райская долина». — *Прим. перев.*

— Я знаю гораздо больше, — добавил я, — я знаю, что вы потеряли палец правой руки: его откусила обезьяна, которая сидела в этой клетке.

Довольная улыбка осветила лицо этого человека. Как и много лет назад, он начал показывать мне свой музей. Уже ночью, когда мы расставались, я увидел подвешенную под потолком каноэ.

— Это каноэ огнеземельцев. Его построили туземцы Огненной Земли, а музею его подарил начальник чилийской экспедиции в Антарктиду, — сказал он.

— Вы друг начальника этой экспедиции? Я думаю, он возглавит и ту, которая намечается в этом году.

Когда он узнал, что я хотел бы попасть на этот континент, то повел меня обратно по темным проходам между чучелами и реликвиями. Открыв дверь своего крохотного кабинета, он зажег свет и предложил мне сесть.

Поглаживая кончиком пальца любопытного червя, который полз по его письменному столу, маленький человечек сказал:

— Я могу вам помочь.

И, как старый друг, еще живший среди своих ископаемых, он протянул мне руку с четырьмя пальцами (пятый он потерял, когда я был еще ребенком) и определил мою судьбу.

ОТБЫТИЕ

Серая пелена закрыла небо. Нефть большими зелеными и черными пятнами покрывала у пристаней воду, которая билась о борта шаланд. С бойни доносилось мычание; печальный вой сирен разрывал ночь. Сквозь серую пелену пробивались огни маяков и прожекторов на холмах.

Вдруг в небе возникла комета. Она тоже двигалась на юг. Люди поднялись на холмы и провели всю ночь на ногах, наблюдая за ней. Комета — это небесный айсберг. Ее сжигает ледяной огонь.

Настал вечер отбытия. На пристани, погруженной в туман, накрапывал мелкий дождь. Послышались звуки, похожие на звон цепей. Из тумана появился странный персонаж в шелковой рубашке без рукавов, коротких штанах и сандалиях. Он поднялся на наш корабль и вошел в офицерскую каюту. Это был исследователь, который пришел попрощаться с нами и рассказать о своих путешествиях по миру.

— Бойтесь гроулеров, — сказал он нам. — Эти стальные корабли не приспособлены для плавания во льдах. Бойтесь морских чудовищ! Гроулеры — это черные руки чудовищ, которые хватают корабль за корпус и топят его в пучине. Я знаю, чилийские моряки не верят в морских чудовищ, они современные люди. Но они изменяют свои взгляды. Вспомните

о греческих моряках, о горгонах. Будьте осторожны в этом путешествии!

Фрегат начал медленно двигаться и поплыл по бухте Вальпараисо, прощаясь с другими кораблями печальными гудками.

Я не спал. У меня кружилась голова, меня тошнило. Ветер качал корму корабля. Прошла ночь, наступило утро, но я не мог подняться.

Когда я открыл глаза, был уже вечер. Я пытался что-то рассмотреть в темноте маленькой каюты и заглянуть за занавеску из грубого холста, которая качалась в дверях. Кто-то подошел и остановился у двери. Мне показалось, что он произнес: «Очнись, мы же договорились, что ты придешь ко мне. Я тебя жду».

Я сделал усилие и встал. Мне удалось не упасть на пол, и я пошел. Цепляясь за железные перила и канаты, я вышел на палубу.

Передо мной простирался Океан. Скрипели стальные пластины.

Мягкий свет разливался на горизонте.

Морская соль меня излечила.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

ПОБУЖДЕНИЯ ЗЕМЛИ

ТАЙНА ОДНОГО ПОКОЛЕНИЯ

Прежде чем продолжать, сделаем остановку. Невозможно двигаться вперед, не зная, кто именно идет вперед. Есть земля, есть долгие пути и есть люди. Эта земля и эти люди — разбросанные частицы моего собственного существования.

Что такое поколение? Когда я был ребенком, меня начал волновать следующий вопрос: почему я чувствую, что я — это я? Я глядел на других и размышлял: как это может быть, что они тоже «я», что они чувствуют свое «я», и одновременно с этим я, а не они, есть «я»? «Я», а не «ты»? Почему родился я, а не другие? Похоже, что в раннем возрасте, когда воплощается «я», в нас входит некое существо. До этого момента оно смотрит на нас извне, будучи растворенным в природе.

Только однажды впоследствии я испытал ощущение, сходное с этим ощущением моего детства; это было в отрочестве, в колледже, когда я встретился с похожими на меня мальчиками. Я сделал открытие: вокруг меня существуют схожие со мной создания.

Это было мое поколение.

И то, что я испытал, более или менее сводилось к тому, что, будучи до тех пор одиноким, я стал особым членом формировавшегося тогда тела.

Что такое поколение? Похоже, что в него тоже в какой-то момент проникает индивидуализирован-

ная душа, чтобы определить стиль его драмы. В океане поколений мы лишь одна волна, которую вздымают ее же мучения. Непостижимые знаки определяют судьбу поколения, вписывая его в более широкий план. Пройдя через драму поколения, индивидуальное Я должно стать более сильным.

На высшем уровне поколения должны соединяться друг с другом, словно звенья цепи или кольца спирали, тонкой нитью, чтобы вписаться в судьбу земли и природы. Но бывает так, что нить, связывающая между собой поколения, разрывается.

Если поискать характерную черту моего поколения в Чили, отличающую его от других, то надо будет сказать, что это оторванное, бесхребетное поколение, не связанное с предыдущими. Это поколение — остров, который внезапно возник из глубин. Я пытался понять причину, которая сделала возможным этот разрыв. Это поколение искало точки соприкосновения с предыдущими, но не находило их. Нас разделяли века, геологические эпохи. Прошлое казалось нам музеем, в котором хранятся мумии. Я не знаю, всегда ли так бывает. Ведь были же поколения, которые чтили своих предшественников и получали от них поддержку, следуя по указанному ими пути, обезвреженному от ненужных рисков. Вместо этого мы, выйдя из детского возраста, стали испытывать позывы к бунту и стремление к одиночеству. Не имея прочных устоев и точек опоры, посреди мира, переживавшего кризис, когда все ценности рушились, а те, что еще оставались, были чуждыми и бездушными,

мы могли выжить, только приложив сверхъестественные усилия. Наше поколение должно было абстрагироваться от прошлого, чтобы создать свой собственный мир, свою оценочную систему, свои ценности, свою науку, свое искусство, свою философию и даже свою религию. Необходимо было все открывать заново; собственная жизнь более не имела иных корней, кроме корней мира и, прежде всего, родины, земли, которая питает эти корни. Эти усилия достигли своей цели лишь наполовину в условиях агонии и глубокого кризиса воли.

В лицах и университетах тошнотворное чувство и недовольство лишь усиливались. В Чили и Америке в целом предыдущие поколения воспитывались на основе западной культуры, точнее, философской пены XIX века, с помощью которой в лицеи внедрился рационалистический стиль. Эта пена определила характер пустого и поверхностного поколения, бессильного и лишённого корней. За высокопарными речами скрывалась страшная пустота; создавалась видимость интеллекта — но безжизненно, стороннего. У нашего поколения были профессора и учителя, предлагавшие нам в школах уже пережеванный хлеб, который был для нас неудобоварим и вызывал неопишное отвращение. Это были мертвецы, которые имитировали чужую культуру, даже не вникая в ее суть, поверхностно пародируя ее. Восхваление науки и рационального гуманизма было для нас утонченной пыткой, что уродовала девственные, чистые души, какими их создали горы и моря. Я вспоминаю первый шок от этого воспита-

ния, тоску от просиживания часами за партами, в то время как за окном сияло солнце и где-то вдалеке завывал ветер. От рационализма нас не могло спасти даже католическое воспитание в детстве, потому что эта религия, чуждая нашему миру, тоже показала свою слабость: она испарялась при первой же стычке с тенденциозной аргументацией. Я утратил Бога в детстве однажды вечером, беседуя с одним старшеклассником в одном из дворов интерната Баррос Арана. В ту ночь я долго плакал в постели. После этого я перестал молиться перед сном, как в детстве, когда мне страшно хотелось спать, а молитвы лишали меня сна, и, несмотря на усталость, я оживал. С этого дня я словно вырос физически, моя грудь расширилась при первых шагах на пути к свободе.

Западная культура, включая католицизм, это драматический феномен; она сложилась во взаимодействии человека с землей. Именно человек истолковывает и преобразует душу определенной зоны мира. После открытия Америки мы навязали ей чужую культуру и душу, но земля сильнее, чем намерение или безумие человека. Пена иного мира покрыла наши пляжи, но могущественные противодействующие силы природы выиграли битву. Они непобедимы. Предыдущие поколения верили, что смогут навязать свой стиль этой земле, но в процессе начавшейся глухой борьбы они, сами того не сознавая, открыли то, что было утрачено. Их пустые сердца предчувствовали месть природы, которая не признавала их за своих детей и выжигала их изнутри.

Я хотел бы подробней рассказать о том мучении, которое причиняло нам косное воспитание и обучение — его нам вбивали насильно. Мы ненавидели это обучение, прямо противоположное миру, который нас окружал. Не думаю, что названные интеллектуальные феномены имели место быть среди европейских поколений. Они изучали свою историю, следствие взаимопроникновения со своей природой, духовного толкования своего мира; каждая идея, каждая мысль были выработаны общими усилиями, и в этой работе принимали участие также реки и камни. Благодаря всему этому повторение при обучении было творческим феноменом. А мы, наоборот, чувствовали себя лишенными всего этого, нас окружала девственная, впечатляющая среда. Наша земля была отделена от других океанами, а наше поколение чувствовало себя таким же далеким от других и одиноким, как наша земля.

Предыдущее поколение не осознавало всего этого, оно считало себя неотъемлемой частью феномена чужой культуры и отдаленного мира. При нем разорвались последние связи, образовалась бездонная трещина. Мы были обречены на одиночество. Что делать? Смириться с этой судьбой и сражаться. Мы были иконоборцами, потому что не могли вести себя иначе, мы были борцами и бойцами, мы должны были разрушать, чтобы иметь возможность жить. Я вспоминаю годы моей борьбы и литературной полемики. Старшее поколение в литературе было представлено людьми, которые всегда оставались поверхностными. В рядах промежуточного поколения

были поэты, которые пошли даже дальше нас, но для нас они всё равно оставались легкомысленными, в них не было глубокого драматизма.

Патриотизм нашего поколения никогда не был поверхностным. Мы вели глубокий диалог с нашими горами, но не толковали его, потому что не могли понять их язык. Откуда-то издалека до нас доходил аромат, который побуждал отметить всё, что казалось нам наносным и неглубоким. Забросив учебу, мы начали блуждать в четырех стенах, месяцами и годами произнося монологи. Нас мучила почти что биологическая тоска. Мы лихорадочно исписывали страницы. А во внешнем мире происходили катастрофы: война в Испании, нацизм, коммунизм. Великая война уже показала свой лик, а на наших письменных столах громоздились научные труды по философии, марксизму, психоанализу, запыленные древние фолианты, книги, купленные наобум. Эти муки были родовыми муками. У нас вырастали новые органы, способные проникать внутрь гор.

В те годы я работал по методу моего поколения: ликвидировал мифы, рвал цепи предрассудков, пересматривал чужие ценности и открывал посреди всего этого свой путь, чтобы достичь той точки, где сердце вновь вернется к истокам, к горстке праха, из которого оно возникло. Будучи мальчиком, я любил ставить указатели и проводить линии, которые определяли точный курс на пути в будущее. Я создал целую философию и даже собственную религию.

Всеми тогдашними завоеваниями я обязан земле, ее вершинам и морям: они рассказали мне о том,

чего я не знал. Я хотел слиться с моими братьями, стать единым с людьми, которые работают в долинах на своих земельных участках. Их кости были созданы соком, который нас питает, их руки были сотворены корнями и небесными дождями. Я хотел вместе с бурными реками и горами сражаться против чуждого духа, который дотянулся своими когтями до наших берегов.

Так я впервые установил сознательный контакт с нашей сущностью. Это было открытием новой земли. Наше поколение было иным по своей основной сути и уже ничего не могло найти на неизвестных путях. Если иногда казалось, что, принимая участие в борьбе в мире европейских ценностей, мы активно участвуем в его драмах, то это была лишь видимость. Нам надо было внести иной вклад. Наше участие было в значительной мере следствием основной южноамериканской слабости, той легкости, с какой мы подражаем тому, что производит на нас впечатление. Наш мир воспринимает, а не дает. С другой стороны, движения, которые появились тогда в Европе, были, по сути своей, направлены против самой сущности западной культуры; с ними появился и новый человек магического типа.

Достигнет ли белый человек вершин будущего Южной Америки или снова восторжествуют индейцы? Мы не можем этого знать. На мой взгляд, реально ничего не вернется: ни индейцы, ни давние времена, ни божества, утонувшие во времени, не вернуться в том же облике. Они возвращаются,

воплощаются вновь, но в иных формах, крутятся в неумолимом вихре.

Всё, что удалось построить на нашей земле предыдущим поколениям, было следствием их слепоты: они не видели природу, не пытались внимательно прислушаться к ней. Историю нашей страны можно свести к глухой борьбе между человеком и природой; человек навязывал ей чужие законы. Но со сменой поколений природа взяла реванш и низвергла ложных богов. Сначала она убила душу одного поколения, а потом разрушила его тело. И мое поколение стало поколением сирот, бесхребетных людей, живущих в чужой и враждебной реальности. Они не знают путей в будущее, и у них нет прошлого. Позади них нет ничего, кроме предчувствия страшной природной катастрофы, космического ужаса, страха перед горами, понимания трагической судьбы Чили и осознания того, что это должно иметь смысл, потому что если наше поколение оторвано, то оно по сути представляет собой первое истинно американское, истинно чилийское поколение. У Чили нет прошлого, но есть будущее. Если верно, что боль причиняет отсутствие точек опоры, когда не за что ухватиться, то это же может привести к спасению, к построению нового будущего, без предрассудков и тысячелетних оков. Будущее — это золотой плод неизвестного, ветвистого дерева. Мы представители реальности нового мира, однако он нам еще не принадлежит, мы раздвоены, мы только чувствуем его интуитивно. Ни прошлое, ни будущее не принадлежат нам, а настоящее — пе-

реходный период. Но и следующее поколение, умиротворенное, тихое, лишенное огня, неспособно сделать что-либо великое. Мы растрчиваем энергию на целый век, и в этих сверхчеловеческих усилиях нашего поколения, может быть, и кроется причина посредственности тех, кто идет за нами. В Чили не было поколения, испытавшего столько мучений, как наше. Его сущность сгорела в уничтожающем огне, поэтому оно не оставило творений, способных пережить время. Его творчеством была его собственная подавленная жизнь и человеческие отношения. Оно ушло во тьму и испило чашу до дна. Как требовать от него достижений? Это предрассудки тех, кто верит в миф о внешней деятельности. Наша деятельность выражалась в драме сердца и в обожествлении природы.

Когда в течение многих веков продолжается полное искоренение и длится историческое одиночество, то индивидуальное спасение становится целью всего живого. Наступят иные времена. Но индивидуальное спасение будет нелегким. Южная Америка сосредоточится на своей сущности, а на индивида будет давить духовная атмосфера уже устроенного мира. Он может достичь спасения только как член общества или в титанической борьбе против его закосневшей формы. Но он не сможет вести эту борьбу так яростно, как подобает тем, кто выражает правильную, но урезанную реальность. История снова двинется вперед, здесь и во всем мире, и ее коллективный каток будет давить отдельные души.

Мое поколение было необыкновенным. Хотя оно ничего не реализовало, хотя его намерения потерпели крах, это было пророческое поколение. Нашей интуицией будут руководствоваться те, кто придет после нас. Но те, кто реализует наши планы, не будут знать того, что знали мы. Они доведут дело до конца, но может так случиться, что возможностей спасения у них не будет.

Столь конфликтное поколение трудно воплотить вновь, разве что когда звезды совершат несколько тысяч оборотов на небе.

Конец ознакомительного фрагмента.